

Вопросы философии и психологии

Книга 53

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
В74

В74 Вопросы философии и психологии: Книга 53 / – М.: Книга по Требованию,
2021. – 338 с.

ISBN 978-5-458-04702-9

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04702-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Памяти С. С. Корсакова.

I.

Рѣчь, произнесенная въ экстренномъ засѣданіи Психологическаго Общества 6 мая 1900 года.

Не успѣло еще ослабѣть гнетущее впечатлѣніе отъ безвременной кончины В. П. Преображенскаго, — и вотъ опять разразилось надъ нами новое горе: сошелъ въ могилу одинъ изъ лучшихъ русскихъ людей. Кончина С. С. Корсакова тяжелымъ камнемъ ляжетъ на многія и многія сердца нашего обширнаго отечества. Высокій и свѣтлый духъ отлетѣлъ отъ насъ! Дать яркую и полную характеристику личности и дѣятельности покойнаго, особенно когда пережитое впечатлѣніе еще такъ болѣзненно живо, — задача едва ли выполнимая. Вѣдь вообще наше бѣдное человѣческое слово гораздо болѣе приноровлено для выраженія относительности и границъ вещей; но оно оказывается слабымъ и тусклымъ орудіемъ, когда нужно изобразить всю широту ихъ положительныхъ свойствъ и совершенствъ. С. С. Корсаковъ былъ замѣчательнымъ ученымъ, неизгладимыми буквами вписавшимъ свое имя въ исторію русской и общеевропейской науки. Онъ былъ глубокимъ и оригинальнымъ мыслителемъ, умѣвшимъ соединить въ своемъ міровоззрѣніи серьезное признаніе духовнаго начала всемірной и человѣческой жизни съ строгимъ реализмомъ натуралиста. Онъ былъ неутомимымъ, энергичнымъ и страстнымъ общественнымъ дѣятелемъ, за

которымъ навсегда останется та историческая заслуга, что онъ, съ небольшимъ кружкомъ своихъ друзей, во все продолженіе своей жизни и словомъ, и дѣломъ проводилъ на практикѣ великое правило: къ душевно-больнымъ можно и должно относиться, какъ къ людямъ, и душевныя болѣзни можно лѣчить безъ насилія. Наконецъ, его дѣятельность далеко переходила за предѣлы его специальности. Всегда отзывчивый къ чужой нуждѣ и горю, много труда и заботъ положилъ онъ на помощь учащейся молодежи въ борьбѣ съ ея самыми печальными язвами: бѣдностью и беззащитностью; не менѣе потрудился онъ для объединенія русскихъ медицинскихъ силъ въ общей научной работѣ и для упроченія за русскими учеными изслѣдованіями высокаго и почетнаго мѣста въ научномъ движеніи другихъ европейскихъ странъ.

Все это мы знаемъ о немъ; но знаемъ также, что сказать о немъ только это, значить не сказать самаго главнаго. Несравненная сила С. С. Корсакова заключалась въ его чрезвычайно своеобразной и мощной нравственной личности. Мнѣ кажется, онъ смѣло можетъ занять мѣсто рядомъ съ величайшими русскими филантропами, какимъ, на примѣръ, былъ знаменитый докторъ Гаазъ. Правду сказали о С. С. Корсаковѣ въ рѣчахъ, произнесенныхъ надъ его могилой: онъ не былъ похожъ на другихъ людей; въ его дѣятельности надъ нимъ совсѣмъ не имѣли власти мотивы личнаго самолюбія, тѣмъ болѣе честолюбія или личнаго разсчета. Единственными двигателями его непрерывныхъ, неуспынныхъ, огромныхъ трудовъ были самоотверженное сознаніе долга и душевная жалость къ чужому страданію. Предъ этими побужденіями для него все смолкало. Это былъ человѣкъ необычайной доброты и сердечности, въ самомъ глубокомъ смыслѣ этихъ словъ. Я даже не могу представить себѣ, было ли въ его душѣ что-нибудь похожее на обыкновенный эгоизмъ,

и чѣмъ оно въ немъ проявлялось? Слава о его феноменальномъ безкорыстіи гремѣла во всей Москвѣ, да и не въ одной Москвѣ. Онъ пользовался всѣми возможными и даже совсѣмъ невозможными предлогами, чтобы не взять вознагражденія за свою помощь. Напротивъ, сколькоимъ своимъ паціентамъ онъ помогалъ, отдавая имъ свои кровныя деньги! Я не знаю, какою цифрой нужно опредѣлить число людей, которые считали С. С. Корсакова своимъ благодѣтелемъ. При мягкости и кротости онъ умѣлъ совершать свои благодѣянія такъ деликатно, что въ сердцахъ облагодѣтельствованныхъ имъ лицъ не оставалось ничего кромѣ самой восторженной признательности, иногда переходившей въ настоящее обожаніе. Однимъ только онъ приводилъ своихъ признательныхъ поклонниковъ въ недоумѣніе, иногда чуть не въ отчаяніе: онъ совсѣмъ не выносилъ выражений благодарности. Въ такихъ случаяхъ онъ смущался, терялся, даже серьезно огорчался. Сколько разъ отъ него приходилось скрывать горячія просьбы поблагодарить его! Приходилось молчать, какъ будто о немъ было извѣстно что-то дурное. Эта его поразительная мягкость, безграничная деликатность, своеобразное духовное цѣломудріе странно соединялись въ немъ съ огромною силою воли и желѣзной твердостью убѣжденій при необыкновенной нравственной чуткости. О немъ вѣрно сказали: онъ былъ воплощенною совѣстью для близкихъ къ нему людей. Онъ ни въ комъ не терпѣлъ компромиссовъ со зломъ, — ни въ себѣ, ни въ другихъ.

Да, мы похоронили праведника! Пустынна становится жизнь послѣ такихъ потерь. И все же счастлива та страна, гдѣ рождаются такіе дѣятели! Еще болѣе счастлива она, если они не проходятъ безслѣдно, подобно блестящимъ метеорамъ. Будемъ твердо вѣрить, что московскіе психіатры надолго сохранятъ благородную традицію безконечной сострадательности покойнаго,

его самоотверженія, его шепетильнаго выполненія своего долга, его святого безкорыстія. Создать прочную школу такихъ дѣятелей,—вѣдь это будетъ лучшая земная награда для покойнаго и его самая крупная заслуга предъ своей родиной.

Л. Лопатинъ.

II.

Рѣчь, произнесенная на могилѣ С. С. Корсакова 4 мая 1900 г.

„Послѣднее прости пришли мы сказать тебѣ, дорогой товарищъ и другъ! Устало и перестало биться твое благородное сердце. Велика и славна была его работа! Много, безконечно много любви къ ближнимъ несло оно, не знавшее ни зависти, ни злобы, ни ненависти, всѣмъ прощавшее и лишь затаенною болью отзывавшееся на дѣла недостойныя и чувства недобрыя. Сколько вынесло оно, соболязнуя страданіямъ и горю всѣхъ прибѣгавшихъ къ тебѣ—и больныхъ, и здоровыхъ! Сколько заботъ самоотверженныхъ испытало оно въ твою жизнь, всецѣло посвященную служенію ближнимъ! И ближніе твои отвѣчали тебѣ своею горячею любовью. Твоя чистая душа была чужда обще-человѣческихъ слабостей и пороковъ, и всѣ, приближавшіеся къ тебѣ, невольно очищались духовно. Къ тебѣ никто не могъ подойти съ дурными мыслями или чувствами. Ты былъ нашею живою совѣстью!

Но не однимъ сердцемъ поднялся ты на нравственную высоту, доступную лишь немногимъ избранныкамъ. Ясный и свѣтлый твой умъ освѣщалъ тебѣ жизненный путь и будилъ въ тебѣ все новые и новые духовные интересы. Съ юныхъ лѣтъ ты выработалъ себѣ строгія нравственныя правила и слѣдовалъ имъ всю жизнь! Съ юныхъ лѣтъ ты упорно трудился, не переставая обогащать свой умъ знаніями, и развилъ въ себѣ такую глубину, силу и неустанность мысли, предъ которыми

преклонялись всѣ знавшіе тебя. Ты былъ въ одинаковой степени авторитетомъ и для учениковъ, и для друзей, и для учителей твоихъ. Тебя, скромнаго отъ природы, избытокъ нравственныхъ и умственныхъ силъ твоихъ вовлекалъ все въ болѣе и болѣе широкія области дѣятельности учительской, ученой и общественной. Самая трудная изъ наукъ—наука о человѣческомъ духѣ въ нормальныхъ его проявленіяхъ и болѣзненныхъ уклоненіяхъ—по преимуществу привлекала тебя, и ты овладѣлъ ею вполне, насколько это доступно человѣческому уму! А за тою гранью, которая ему поставлена природою, твое возвышенное чувство искало неземнаго идеала! Въ исторіи науки твое безсмертіе обезпечено; а русская наука будетъ вѣчно признательна тебѣ за то, что ты прославилъ и увѣковѣчилъ свое русское имя.

Сильный умъ твой, сильное, направленное ко всему доброму чувство создали въ тебѣ сильныя и опредѣленные стремленія, закалили твою волю. *Сила воли*, уживаясь въ тебѣ съ нѣжнымъ и мягкимъ сердцемъ, проявлялась во всѣхъ дѣлахъ твоихъ. Отстаивалъ ли ты на заграничномъ съѣздѣ права русской психологической науки,—ты твердо стоялъ на посту своемъ. Работалъ ли ты въ больницѣ, управлялъ ли лѣчебницей, клиникой, читалъ ли лекціи, устраивалъ ли съѣзды врачей, въ студенческомъ ли комитетѣ, въ Пироговскомъ обществѣ,—всего не перечтешь,—всюду ты прокладывалъ новые пути и достигалъ блестящихъ результатовъ, увлекая другихъ за собою на плодотворную работу. Всѣ поражались тою изумительною массою энергіи и труда, которую ты проявлялъ, и пытались хотя отчасти объяснить ихъ цвѣтущимъ здоровьемъ твоимъ и богатствомъ физическихъ силъ! Теперь мы знаемъ, что это была иллюзія: только *сила воли*, *направленной къ высшимъ нравственнымъ и умственнымъ цѣлямъ*, заставляла безъ отдыха работать твою мысль, не да-

вала тебѣ чувствовать усталости и беречь свое больное сердце. Рано оборвалась твоя жизнь! Погибъ идеальный человѣкъ, исключительно чудной гармоніей сочетавшій въ себѣ лучшія свойства ума, чувства и воли. Тяжело, безгранично тяжело намъ разставаться съ тобой! Болитъ наша душа! Никогда не изгладится изъ нея чистый образъ твой! Но не уныніе будемъ чувствовать мы, вспоминая тебя! И послѣ смерти ты будешь служить источникомъ бодрой и доброй жизни для всѣхъ, чтущихъ твою память. Миръ праху твоему!"

В. Ротъ.

III.

Рѣчь, произнесенная въ экстренномъ засѣданіи общества для пособія недостаточнымъ студентамъ Московскаго Университета 4 мая 1900 г.

Корсакова нѣтъ и не будетъ. Онъ ушелъ отъ насъ навсегда. Если я рѣшаюсь сказать нѣсколько словъ въ память скончавшагося предсѣдателя нашего общества, то дѣлаю это только повинувшись чувству долга, такъ какъ съ физической раной въ груди мнѣ было бы легче говорить съ вами, чѣмъ съ тѣмъ чувствомъ, которое я испытываю теперь въ силу моихъ личныхъ отношеній къ покойному. Не мнѣ, еще дрожащему отъ боли, пытаться дать вамъ полную характеристику Сергѣя Сергѣевича, развернуть его едва обозримое міросозерцаніе, раскрыть всю глубину его души, нѣжной, какъ цвѣтокъ, и твердой, какъ сталь. Но пока не въ этомъ дѣло. Умеръ гигантъ и со смертью его образовалась громадная пустота, которая грозитъ пошатнуть и можетъ быть разрушить не одно изъ зданій, созданныхъ его гениемъ и трудомъ, и въ настоящій грозный и торжественный моментъ надо заставить умолкнуть свои личные чувства и попытаться дать себѣ отчетъ въ томъ, что случилось, кого мы потеряли. Я уже произнесъ слово гений и произнесъ его не случайно. Достаточно

самого краткаго обзора дѣятельности С. С. Корсакова, чтобы убѣдиться въ этомъ. Еще студентомъ онъ выдѣлялся изъ среды своихъ товарищей, на которыхъ имѣлъ большое нравственное вліяніе. По окончаніи курса онъ вступилъ на практическій путь врача и по симпатіямъ сердца или по влеченію ума возложилъ себѣ на плечи задачу, которая теперь для насъ, послѣ его смерти, въ десять разъ легче, чѣмъ она была въ его время, когда онъ, предоставленный собственнымъ силамъ, почти безъ учителей вступилъ въ трудную область психіатріи. Съ первыхъ же шаговъ его дѣятельности онъ становится кумиромъ своихъ больныхъ, кумиромъ своихъ товарищей-врачей, подчасъ вдвое старшихъ, чѣмъ онъ, и не только совѣтникомъ, но нерѣдко рѣшителемъ вопросовъ. Его привлекаетъ наука, и первая же ученая работа дѣлаетъ его имя безсмертнымъ; второй капитальный трудъ, сдѣланный имъ уже послѣ назначенія его профессоромъ, — „Курсъ психіатріи“, долженъ быть поставленъ на ряду съ лучшими руководствами этого рода не только въ Россіи, и во всемъ цивилизованномъ мірѣ, но даже предпочтенъ имъ. Выступая въ университетѣ какъ профессоръ, Сергій Сергѣевичъ съ такой же невѣроятной быстротой приковываетъ къ себѣ умы и сердца своихъ слушателей. Вступивъ въ наше общество, и здѣсь онъ быстро сталъ первымъ изъ насъ, и періодъ его предсѣдательства можно смѣло назвать лучшимъ періодомъ дѣятельности общества, при чемъ съ именемъ С. С. Корсакова навсегда будетъ связано воспоминаніе о приобрѣтеніи обществомъ недвижимой собственности, что такъ облегчило устройство студенческихъ столовыхъ. Всѣ стороны дѣятельности Сергѣя Сергѣевича найдутъ себѣ оцѣнку въ своемъ мѣстѣ, теперь же намъ слѣдуетъ опредѣлить лишь то, что характеризовало его, какъ общественнаго дѣятеля и выдѣляло изъ ряда другихъ. Отвѣтъ на это простъ. Въ основаніе его дѣя-

тельности были положены два принципа, общіе и знакомые намъ всѣмъ: добросовѣстное исполненіе своихъ обязанностей и безкорыстное служеніе идеалу. Но если эти принципы намъ общи и знакомы, то у Сергѣя Сергѣевича они были незыблимы, какъ скала, вокругъ которой обвилась вся его активная энергія, вся его творческая сила. Именно творчество и было основнымъ свойствомъ Сергѣя Сергѣевича. Поэтому-то его больше и не будетъ, и онъ не можетъ повториться болѣе. Можетъ быть замѣнено его мѣсто, но природа не повторяетъ выраженія своихъ активныхъ силъ; творчество всегда имѣетъ свою специфическую индивидуальность, и наша утрата останется навѣки незамѣнимой. Вслѣдствіе неуклоннаго служенія Сергѣя Сергѣевича указаннымъ принципамъ, онъ не можетъ быть забытъ, такъ какъ эти принципы суть вѣчныя основанія всякой общественной дѣятельности, и активная сила, приложенная къ нимъ, и есть та сила, которой живетъ и движется всякое общество. Забыть С. С. Корсакова, значило бы забыть самихъ себя, такъ какъ идеалы, которымъ онъ служилъ, суть въ то же время и наши идеалы; но не забыть его еще мало. Надо сохранить память о немъ для послѣдующихъ поколѣній, для молодыхъ людей, которымъ посвящена дѣятельность нашего общества; надо умножить, насколько возможно, количество напоминаній о немъ, чтобы и послѣ смерти онъ могъ служить для другихъ постояннымъ примѣромъ, какихъ бываетъ не много.

IV.

Рѣчь, произнесенная въ экстренномъ засѣданіи общества невропатологовъ и психіатровъ 5 мая 1900 г.

Трудно говорить о С. С. Корсаковѣ, кончина котораго еще такъ близка, потому что надо дѣлать усилія

надъ собой, чтобы говорить, а не рыдать. Но какъ легко было бы сказать о немъ цѣлую книгу. Всюду и вездѣ, гдѣ онъ ни появлялся, онъ оставилъ по себѣ неизгладимый слѣдъ. Вчера, въ засѣданіи общества для пособія нуждающимся студентамъ, мы читали его какъ общественнаго дѣятеля, служеніе котораго обществу было безупречнымъ, вслѣдствіе совершеннаго отсутствія личнаго интереса и вслѣдствіе постоянного, неуклоннаго исполненія долга; при чемъ онъ въ буквальномъ смыслѣ слова не щадилъ своихъ силъ;—сегодня намъ надлежитъ почтить его какъ специалиста-ученаго и въ краткихъ словахъ попытаться опредѣлить, какъ выразился его геній въ этомъ направленіи. При этомъ надо остановиться, во-первыхъ, на его практической дѣятельности, на его отношеніи къ больнымъ, во-вторыхъ, на его дѣятельности ученой. Въ смыслѣ его отношенія къ больнымъ имя С. С. Корсакова, надо поставить рядомъ съ именемъ Пинеля, и я сказалъ бы больше: онъ сдѣлалъ больше Пинеля и, подобно Пинелю, то, что онъ сдѣлалъ, было не только дѣломъ его добраго сердца, но и плодомъ его глубокаго и тонкаго ума. Здѣсь кстати сказать, что относительно Пинеля образовалось своеобразное недоразумѣніе, которое повторилось отчасти и въ оцѣнкѣ покойнаго Сергѣя Сергѣевича. Именно, имя Пинеля наиболѣе извѣстно врачамъ-психіатрамъ, которые прежде всего признаютъ за Пинелемъ громадную заслугу освобожденія душевно-больныхъ отъ ненужныхъ мѣръ стѣсненія, переходившихъ нерѣдко въ жестокость, почему Пинель и считается благороднымъ и смѣлымъ представителемъ идеи гуманности. Но Пинель былъ не только благородный и смѣлый человѣкъ съ добрымъ сердцемъ. Онъ былъ гениальный врачъ и ученый, которому вся современная медицина обязана основными принципами классификаціи болѣзней по органамъ, и въ дѣлѣ освобожденія больныхъ отъ оковъ главнѣйшее значеніе имѣеть

не движеніе доброй души, но гениальное открытіе, заключающееся въ томъ, что стѣсненіе больныхъ и жестокія мѣры по отношенію къ нимъ — вредны, и что примѣненіе ихъ есть медицинская ошибка. Въ этомъ весь смыслъ колоссальной реформы Пинеля. Однако, несмотря на громадное впечатлѣніе, произведенное реформой, дѣло устройства быта и лѣченія душевно-больныхъ подвигалось впередъ далеко не быстро. Человѣчество всегда отстаетъ въ своемъ прогрессивномъ движеніи отъ своихъ передовыхъ людей, и до самаго послѣдняго времени душевно-больные оставались во многихъ отношеніяхъ въ такомъ же положеніи, какъ до Пинеля и не только въ нашемъ отечествѣ, но и повсюду. Пинель далъ толчокъ; но для новаго толчка въ томъ же направленіи нужны были новые люди, которымъ была бы по плечу такая задача. Ее взялъ на себя Сергѣй Сергѣевичъ. Онъ поставилъ вопросъ объ уходѣ и лѣченіи душевно-больныхъ во всей его полнотѣ, именно какъ вопросъ о томъ, какимъ путемъ примирить всѣ требованія наиболѣе развитого нравственнаго чувства, чувства положительной любви къ душевно-больному съ наиболѣе строгими требованіями разума и науки, и онъ сумѣлъ рѣшить этотъ великій вопросъ, стоящій передъ каждымъ человѣкомъ въ теченіе всей его жизни. Онъ не только устранилъ мѣры стѣсненія, но окружилъ больныхъ рядомъ положительныхъ мѣръ, постояннымъ любовнымъ уходомъ и устремилъ на это всѣ силы своего ума и сердца, и если мы вспомнимъ то громадное вліяніе, которое онъ имѣлъ въ этомъ отношеніи на другихъ врачей, мы согласимся, что уже одно это даетъ ему право на безсмертіе. Остается еще, однако, его научная дѣятельность. Нѣтъ надобности повторять, что каждый его трудъ есть классическое произведеніе. Разстройства памяти, полиневритическій психозъ, за которымъ осталось названіе „болѣзни Корсакова“, „Психологія микроцефаловъ“, „Курсъ